

1. Дворец Уайтхолл
2. Пристань Уайтхолла
3. Пристань Вестминстерского аббатства
4. Вестминстерское аббатство
5. Зал капитула
6. Покои монастыря
7. Вестминстер-холл
8. Расписной зал (палата общин)
9. Уайтхолл
10. Холбейнгейт
11. Ворота Уайтхолла
12. Дом Кантрелла
13. Дом настоятеля Бенсона
14. Церковь Святой Маргариты

Граница аббатских земель

Кокспер-стрит

Стрэнд
на Лондон →

СЕНТ-ДЖЕЙМСКИЙ ПАРК
(Королевский парк)

Королевская улица

река Темза

Длинный ров

Сьюинг-лейн

Тотхилл-стрит

Убежище

Убежище

Двор Нового дворца

Парк аббатства/служебные постройки

ГЛАВА 1

Свечи в люстрах под высоким потолком Большого зала Линкольнс-Инн пылали огнем, поскольку спектакль начался лишь под вечер. Присутствовало большинство членов корпорации. Барристеры были, как обычно, облачены в мантии, их жены — в свои лучшие платья. После часового просмотра спектакля в стоячем положении спина у меня разболелась, и я испытал жгучую зависть к старым и немощным, для которых в зале поставили кресла.

Традиционно премьеры новых пьес проходили в Линкольнс-Инн в марте, но в этом году представление перенесли из-за небывалых снегопадов. Даже теперь, через месяц после положенного срока, было холодно не по сезону. С губ собравшихся срывались облачка пара и тут же поднимались к потолочным балкам. В тот год ставили «Искушение богатством», тяжеловесную нравоучительную пьесу, в которой участники представления в пышных костюмах изображали человеческие грехи и добродетели. Актер, выступавший в роли Добра, бесподобный в своих светлых одеждах и белой фальшивой бороде, читал нотацию тому, кто олицетворял Лицемерие, пытаясь отучить его от вероломства и наставить на путь истинный. Эту нудную тираду уместнее было бы адресовать собравшимся в зале адвокатам. Мне надоело смотреть на сцену, и я перевел взгляд на находящиеся в тени лица зрителей.

Главный казначей Роулэнд, малопрятный человек с худым и вечно кислым лицом, глядел на актеров и, вероятно, думал, что следовало бы нанять труппу с менее дорогими костюмами, хотя приходилось признать, что никаких особых декораций для этой пьесы не потребовалось. Прямо напротив я увидел своего

старого недруга, Стивена Билкнэпа. Жадным взором он ощупывал коллег-адвокатов. Его выцветшие светло-голубые глаза вечно бегали и никогда не смотрели прямо в лицо другим. Встретившись со мной взглядом, он тут же отвернулся. Это был, пожалуй, самый бесчестный из всех юристов, которых я когда-либо знал. У меня до сих пор саднило в груди при воспоминании о том, как полтора года назад из-за бессовестных махинаций его покровителя Ричарда Рича я вынужден был прекратить судебное преследование этого прощельги. К моему величайшему удивлению, сейчас он выглядел усталым, даже больным.

В некотором отдалении, держа за руку жену, стоял мой друг Роджер Эллиард, в дом которого я был приглашен на ужин после спектакля. Актеры тем временем разыгрывали уже новую сцену. Блуд заключил пакт о дружбе с Пристрастием. Обнимая его, Блуд внезапно скрючился, как бы от боли, упал на колени и продекламировал:

Увы, сражен я наповал!
Такая боль — стоять нет мочи,
И коль лекарство не принять,
Умру до следующей ночи!

И протянул дрожащую руку к зрителям. Я заметил, что Билкнэп смотрит на него с выражением удивленного презрения, а вот Роджер вдруг отвернулся. Я знал почему и позже собирался поговорить с ним об этом.

Наконец спектакль закончился. Актеры отвесили нужное количество поклонов, зрители похлопали в ладоши, и мы, разминая замерзшие конечности, вышли в Гейтхаус-корт. Солнце уже садилось, заливая здания из красного кирпича и тающий снег янтарным светом. Была суббота, канун Пальмового воскресенья¹, никаких дел в тот день не слушалось. Зрители шли к воротам или, если они были постояльцами Линкольнс-Инн, возвращались к себе, плотнее запахивая полы плащей. В ожидании Эллиардов я стоял у выхода, раскланиваясь со знакомыми. Взглянув на окна Эллиардов, я увидел яркое освещение и мелькающие си-

---

¹ *Пальмовое воскресенье* — праздник Входа Господня в Иерусалим. В православной традиции — Вербное воскресенье.

луэты слуг с подносами. Ужины, которые давала Дороти, пользовались заслуженной славой, и я не сомневался, что даже сейчас, во время Великого поста, ее стол будет ломиться от яств и гости наедятся так, что их животы станут звенеть, как барабаны.

Невзирая на холод, я ощущал приятную расслабленность и покой, какого не чувствовал уже очень давно. Пройдет чуть больше недели, и наступит Пасха, а двадцать пятого марта официально начнется новый, 1543 год. Раньше мои мысли были заняты исключительно тем, какие еще неприятности принесет мне наступающий год, но теперь я ожидал лишь новой, интересной работы и приятного времяпрепровождения с добрыми друзьями.

Одеваясь в то утро, я замер и посмотрел на собственное отражение в стальном зеркале спальни. Я делал это крайне редко, ибо вид горбатой спины действовал на меня угнетающе. Но сегодня я заметил седые волоски в шевелюре и углубляющиеся морщины на лице. Что ж поделать, в минувшем году я разменял сорок лет, и рассчитывать на молодость уже не приходилось.

В тот день перед спектаклем я прогулялся вдоль Темзы, поскольку в кои-то веки, впервые после долгой и холодной зимы, услышал, как трещит лед. Я стоял на причале Темпл и смотрел на реку. Огромные глыбы льда в водовороте серой воды налезали друг на друга и сталкивались, оглашая окрестности громким стуком и треском. Я пошел дальше по мягкому подтаявшему снегу, с облегчением думая, что вот наконец-то пришла весна.

Стоя у дверей, я поежился, несмотря на подбитое мехом пальто. Хотя воздух сегодня и был заметно теплее, холоду не убавилось, а я так и не набрал тот жирок, который растерял во время лихорадки полтора года назад.

Кто-то хлопнул меня по плечу, и от неожиданности я слегка подпрыгнул. Это был Роджер. Его худобу компенсировала толстая шуба. Рядом с ним, улыбаясь мне, стояла его жена Дороти с покрасневшими от холода щечками. Ее каштановые волосы скрывал французский капюшон, расшитый жемчугом.

— Ты пребывал в глубокой задумчивости, Мэтью, — сказал Роджер. — Размышлял о высоком моральном пафосе пьес?

— Высоком, как каланча, и тяжеловесном, как лошадь, — вставила Дороти.

— Уж это точно, — согласился я. — Кстати, кто выбирал пьесу?

— Казначей.

Роджер посмотрел на Роуланда, который был погружен в беседу со старым судьей и поминутно кивал с необычайно важным видом.

Понизив голос, Роджер продолжал:

— Он искал что-нибудь далекое от политики. В наше время это весьма осмотрительно, но итальянская комедия была бы лучше.

Мы вместе прошли через двор. Я обратил внимание на то, что снег с фонтана Гейтхаус-корта, замерзшего добрых три месяца назад, почти сошел, обнажив дорожки серого льда. Пройдет совсем немного времени, и фонтан вновь заработает, наполняя двор нежным плещущим звуком. На поверхности льда виднелось несколько монеток. Люди продолжали бросать монетки даже в замерзший фонтан — на удачу как в судебных, так и в сердечных делах. Как бы яростно адвокаты ни открещивались от этого, они все же были самым суеверным из всех сословий.

У двери нас приветствовал Элиас, старый дворецкий Роджера, служивший в этой семье уже многие годы. Он проводил меня на второй этаж. Там я помыл руки и прошел в гостиную, где толстые свечи отбрасывали уютный маслянистый свет на кресла и диваны. Около дюжины гостей — сплошь адвокаты и их жены — либо сидели, развалившись, либо стояли, подпирая стены, а Элиас и мальчик обносили их вином. В очаге гудело пламя, наполняя комнату теплом и сладким ароматом душистых трав, разложенных на деревянном полу. Огонь отражался в столовом серебре, которым был уставлен накрытый белоснежной крахмальной скатертью стол. Стены были увешаны картинами в богатых рамах, в основном портретами библейских персонажей. Такова была последняя мода. Над большим камином располагался, пожалуй, самый ценный предмет обстановки во всем Линкольнс-Инн, гордость и отрада Роджера. Это было большое деревянное резное панно, на котором ветки деревьев затейливо сплетались со стеблями цветов, висели фрукты, выглядывали морды различных животных: медведей, оленей и даже единорога. Рядом с этим шедевром деревянного творчества Роджер вел

оживленную беседу с Амброузом Лодером, юристом из моей адвокатской конторы. В каждом движении Эллиарда сквозила неумная энергия, он возбужденно жестикулировал, доказывая что-то толстому Лодеру, стоявшему неподвижно со скептической миной на краснощекой физиономии.

Дороти, со своим обычным веселым и добродушным выражением лица, ярким пятном выделялась на фоне черных одеяний двух юристов. На ней было зеленое платье из шелковой узорчатой ткани, с золотым отделочным кантом впереди и высоким воротником, открытым у горла. Этот наряд ей очень шел. Увидев меня, они извинилась перед мужчинами и направилась в мою сторону.

Я знал Дороти почти двадцать лет. Ее отец был барристером высшего ранга в моей первой адвокатской конторе. В то время нам обоим было двадцать с небольшим, и меня необычайно влекли ее изящество, ум и доброта — редкое сочетание качеств. А ей, похоже, вполне нравилась моя компания, и, поскольку она не испытывала ни малейшего предубеждения против моего горба, мы скоро стали друзьями. Через некоторое время я осмелился мечтать о том, что наша дружба может перерасти в нечто большее. Правда, я никак не выдавал своих истинных чувств, и поэтому мне оставалось винить лишь самого себя, когда я узнал, что Роджер, мой друг и коллега, уже сделал ей предложение руки и сердца и оно принято. Позже он уверял, и я с готовностью верю ему, что не подозревал о моих чувствах по отношению к Дороти. Она же пыталась подсластить пилюлю, уверяя, что все вышло как нельзя лучше, иначе она, мол, оказалась бы перед слишком сложным выбором. В это было трудно поверить, поскольку Роджер сочетал в себе красоту, ум и неумную энергию, благодаря которой он был подвижен, как ртуть.

Дороти, как и я, разменяла недавно четвертый десяток, но, если не брать в расчет небольших морщинок вокруг глаз, выглядела гораздо моложе. Она наклонилась, и я расцеловал ее в пухлые щечки.

— Веселого Пальмового воскресенья тебе, Дороти.

— И тебе тоже, Мэтью. — Она сжала мне руку. — Как твое самочувствие?

— Сейчас вполне сносно.

Меня часто беспокоила спина, но в последние месяцы я добросовестно выполнял все упражнения, которые прописал мне мой друг доктор Гай, и чувствовал себя гораздо лучше.

— Выглядишь ты хорошо.

— А ты, Дороти, с каждым годом выглядишь все моложе. Пусть этот год принесет тебе мир и процветание.

— Хотелось бы надеяться. Но недавно случилось весьма странное знамение, ты не слышал? Темза выбросила на берег двух огромных рыбин — здоровенных, серого цвета, с половину дома каждая. Раньше они, видимо, находились подо льдом.

Огоньки, плясавшие в глазах Дороти, подсказывали мне, что ей эта история представляется восхитительно абсурдной.

— Они были живыми?

— Нет, они лежали на грязном берегу Темзы в районе Гринвича. Люди сотнями переходили через Лондонский мост, чтобы поглазеть на них. Все твердят, что в канун Пальмового воскресенья такое знамение предвещает нечто ужасное.

— В последнее время люди во всем видят знамения. Среди лондонских начетчиков это стало настоящей модой.

— Верно.

Вероятно, уловив в ответе горькую нотку, она бросила на меня испытующий взгляд. Двадцать лет назад Дороти, Роджер и я — мы все были сторонниками Реформации, надеясь на то, что благодаря ей в мире возникнет новое христианское братство. Дороти и Роджер до сих пор верили в это. И хотя многие из их теперешних гостей в прежние дни тоже тяготели к реформаторству, в последнее время большинство обрело тихую гавань в повседневной профессиональной жизни. Люди были напуганы или разочарованы волнами религиозных конфликтов и репрессий, которые приобрели еще больший размах через десять лет после окончательного разрыва между нашим королем и Римом. Любопытно, думалось мне, догадывается ли Дороти о том, что моя вера тоже поизносилась до дыр и вот-вот закончится?

Она переменяла тему разговора:

— Но есть и хорошая новость. Сегодня мы получили письмо от Сэмюэля. Значит, дороги в Бристоль снова открыты. — Она вздернула черные брови. — Воспользовавшись своим даром чи-

тать между строк, я пришла к выводу, что у него появилась девушка.

Сэмюель был единственным сыном Роджера и Дороти, светом их очей. Несколько лет назад они переехали в Бристоль, родной город Роджера, где ему предложили должность рекордера — мирового судьи с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам. Год назад он вернулся к своей практике в Линкольнс-Инн, но Сэмюель, который в свои восемнадцать лет находился в учении у торговца мануфактурой, отказался переезжать, чем, насколько мне было известно, весьма расстроил родителей.

Я мягко улыбнулся:

— А ты уверена, что не домысливаешь в этом письме то, что хотела бы в нем прочесть?

— Нет! Он даже имя ее назвал — Элизабет. Она дочь торговца.

— До окончания срока учения он не сможет на ней жениться.

— Вот и хорошо. Значит, у них будет время, чтобы понять, подходят ли они друг другу. — На губах Дороти появилась плутовская улыбка. — А у меня — возможность послать в Бристоль какого-нибудь шпиона. Хотя бы твоего помощника, Барака. Я слышала, ему нет равных в делах такого рода.

Я рассмеялся:

— Барак по горло занят работой на меня. Придется тебе поискать другого шпиона.

— Мне нравится его едкое чувство юмора. Кстати, у него все в порядке?

— В прошлом году они с женой потеряли ребенка. Для него это стало тяжелым ударом, но он держится.

— А она?

— Я давно не видел Тамазин. Все собираюсь пригласить их в гости, да никак не соберусь. А надо. Она столько возилась со мной, когда меня скрутила лихорадка.

— Суд прошений забирает все твоё время¹. А еще то, что ты стал барристером высшего ранга. Я никогда не сомневалась в том, что ты когда-нибудь достигнешь подобных высот.

---

¹ Суд палаты прошений возник в XVI в. для разбора дел небогатых тяжущихся, которым было отказано в судах общего права. Компетенция суда была столь же обширна, как и у канцлерского, но касалась менее значительных дел. Этот суд был проще, дешевле и потому популярнее среди населения.

— Да, — улыбнулся я. — И это хорошая работа. Уже больше года прошло с тех пор, как архиепископ Кранмер назначил меня одним из двух барристеров, защищающих в суде интересы бедняков, а с этим назначением пришло и звание барристера высшего ранга. Никогда раньше я не получал такого удовольствия от своей работы. Но должен признаться, нагрузка весьма велика, а клиенты... Что ж, бедность не делает людей ни добрей, ни покладистей.

— И не может сделать! — с горячностью подхватила Дороти. — Бедность — это проклятие!

— Но я не жалуясь. Даже такая работа бывает разной.

Я помолчал.

— Вот как раз сейчас у меня появилось новое дело. Мальчика упрятали в Бедлам¹. Завтра я встречаюсь с его родителями.

— В Пальмовое воскресенье?

— Дело не терпит отлагательств.

— Понятно. Сумасшедший клиент.

— Сумасшедший он или нет, еще предстоит выяснить. Его отправили туда по приказу Тайного совета. Это одно из самых странных дел, которые мне только попадались. Весьма, весьма интересное, хотя, признаюсь, связываться с Тайным советом мне бы не хотелось.

— Ты обеспечишь торжество правосудия, я в этом не сомневаюсь. — Дороти положила ладонь мне на плечо. — Мэтью!

Рядом со мной внезапно возник Роджер и горячо пожал мою руку. Он был невысок и гибок, с худым, но красивым лицом, не знающими покоя голубыми глазами и черной шевелюрой, уже начинавшей редеть. Его, как всегда, переполняла энергия. Даже несмотря на то, что Дороти досталась ему, я любил этого человека всей душой.

— Я слышал, вы получили письмо от Сэмюэля? — спросил я.

— Ага, написал, чертенок! Наконец-то!

---

¹ *Бедлам* (искаж., от *англ.* Bethlehem: Bethlehem Royal Hospital, Вифлеемская королевская больница) — изначально английский монастырь сестер и братьев «Звезды Вифлеема», основанный в 1247 г. мэром Лондона С. Фитмэри. С 1330 г. служил госпиталем, а с 1402 г. — местом содержания и лечения душевнобольных. Получил печальную известность из-за жестокого обращения с больными.

— Меня ждут дела на кухне, — проговорила Дороти. — Скоро увидимся, Мэтью. Поговори пока с Роджером, у него есть интересная идея.

Я проводил ее легким поклоном, снова повернулся к Роджеру и тихо спросил:

— Ну что, как твои дела?

Он тоже понизил голос:

— Со мной такого больше не было, но я был бы рад повидаться с твоим другом доктором.

— Я заметил, как ты резко отвел глаза в сторону, когда во время спектакля Блуд скрючился на сцене.

— Да, это пугает меня, Мэтью.

Вид у него вдруг стал беспомощным и незащитным, как у ребенка.

На протяжении последних недель Роджер несколько раз без всяких видимых причин терял сознание и падал в обморок. Он боялся, что у него начинается падучая — ужасная болезнь, которая заставляет здорового с виду человека ни с того ни с сего валиться на землю, корчиться и рычать аки зверь. Болезнь неизлечимая, которую одни считают разновидностью временного умопомешательства, другие — свидетельством одержимости дьяволом. То, что приступ мог начаться в любой момент, заставляло людей сторониться больных этим недугом, и уж по крайней мере, ни о какой карьере юриста для них и речи быть не могло.

Я ободряюще сжал его руку:

— Гай докопается до причин, обещаю тебе.

Роджер открыл передо мной душу за ужином на прошлой неделе, и я пообещал ему устроить встречу с моим другом доктором не позже чем через четыре дня.

Роджер хитро улыбнулся:

— Будем надеяться, я услышу от него то, что хочу услышать. Дороти я сказал, что у меня рези в желудке. Думаю, так будет лучше. Ведь женщины готовы паниковать из-за любого пустяка!

— Мы тоже, Роджер, — улыбнулся я. — И иногда без всяких поводов. Причины твоих обмороков могут быть любыми, и не забывай, обморок — не припадок. Настоящих припадков у тебя, к счастью, не было.

- Да, я знаю.
- Дороти сказала мне, что у тебя родилась какая-то новая идея. — Я решил сменить гнетущую тему.
- Верно. — Он криво ухмыльнулся. — Я как раз излагал ее другу Лодеру, но его она, похоже, не заинтересовала.
- Роджер обвел взглядом своих гостей и тихо добавил:
- Дело в том, что все мы здесь не бедные.
- Он взял меня под руку и отвел чуть дальше в сторону.
- Я читал последнюю книгу Родерика Мора «Плач христиан по Лондону».
- Тебе следует быть осторожнее. Некоторые называют ее крамольной.
- Их пугает правда. — Голос Роджера звучал тихо, но настойчиво. — Господи, книга Мора — это обвинительный акт в адрес нашего города. В ней показано, как все богатства монастырей перешли к королю и его царедворцам. Закрывались монастырские школы и больницы, хворые оказывались предоставленными самим себе. Если раньше они могли рассчитывать на помощь монахов, то теперь лишились и этого. Легионы несчастных, лежащих на улицах, больных и полумертвых от голода — это позор всем нам. Вчера в Чипсайде я видел мальчика, сидевшего на мостовой возле какой-то двери. Его голые ноги были обморожены и поражены гангреной. Я дал ему шестипенсовик, но ему была нужна больница, Мэтью.
- Но как ты уже сказал, они в своем большинстве закрыты.
- Именно по этой причине я собираюсь добиваться открытия больницы, которая будет существовать на средства судебных корпораций. Сначала соберем деньги по подписке, потом пойдут добровольные взносы адвокатов.
- Ты говорил об этом с казначеем?
- Еще нет. — Роджер вновь улыбнулся. — Сначала я хотел опробовать убедительность моих аргументов на этих людях. — Он кивнул на пышнотелого Лодера. — Амброуз, к примеру, говорит, что нищие представляют опасность для прохожих своими ужасными гнойными язвами и зловонными миазмами. Он готов пожертвовать некоторое количество денег на то, чтобы очистить от них улицы. Другие жалуются на надоедливых попрошайек, ко-

торые шагу не дают ступить. Этим я пообещал спокойную жизнь без нищих. Для тех, кто не склонен к благотворительности, найдутся свои аргументы. — Роджер перестал улыбаться и устремил на меня серьезный взгляд голубых глаз. — Ты мне pomoжешь?

Я задумался.

— Даже если эта твоя затея увенчается успехом, что сможет одна больница на фоне беспросветной нищеты, царящей вокруг?

— Помочь хотя бы нескольким несчастным.

— Я помогу тебе всем, что будет в моих силах.

Если кому и была по плечу подобная задача, то только Роджеру. Его безудержная энергия и быстрый ум дорогого стоили.

— Я первым сделаю взнос по подписке и, если хочешь, помогу тебе провести ее среди других.

Роджер стиснул мои пальцы:

— Я знал, что ты pomoжешь. Скоро я организую комитет...

— Еще один комитет?

Это вернулась Дороти, раскрасневшаяся после кухонного жара. Она бросила на мужа шутливо-вопросительный взгляд. Роджер обнял ее за талию.

— Это связано с больницей, милая.

— Людей будет нелегко убедить. Их кошельки и так отощали после всех королевских налогов.

— И отощают еще больше, — добавил я. — Говорят, у нового парламента потребуют новых денег, чтобы король мог пойти войной на Францию.

— Пустая трата денег, — с горечью произнес Роджер. — А сколько пользы они могли бы принести! Но с другой стороны, для него это самый подходящий момент, чтобы проверить подобное мероприятие. Сейчас, когда король скоттов умер и на троне находится девочка-младенец, Шотландия не сможет вмешаться в войну на стороне Франции.

Я кивнул в знак согласия:

— Король отправил шотландских лордов, плененных при Солзэй-Мосс, домой, но прежде они, как рассказывают, поклялись поженить принца Эдварда и наследницу шотландского трона Марию.

— Ты, как всегда, прекрасно информирован, Мэтью, — проговорила Дороти. — Барак до сих пор приносит тебе на хвосте сплетни от своих дружков из числа дворцовой челяди?

— А почему бы и нет?

— Я слыхала, что король присмотрел себе новую жену.

— Эти слухи не затихают с того самого дня, как казнили Кэтрин Говард, — фыркнул Роджер. — Интересно, кто будет новой счастливицей?

— Леди Латимер, — ответила Дороти. — На прошлой неделе умер ее муж, и послезавтра состоятся пышные похороны. Это означает, что король поразвлечется с ней в течение нескольких лет, а дальше — одному богу известно.

Эти слухи до меня не доходили.

— Бедняжка, — проговорил я, перейдя на шепот. — Ей стоит беспокоиться о своей голове.

— Да, — кивнула Дороти.

Несколько секунд она молчала, а потом подняла руки над головой, хлопнула в ладоши и громко крикнула:

— Друзья мои, ужин готов!

Мы дружно отправились в столовую. Длинный старинный дубовый стол был уставлен серебряными приборами, слуги под неусыпным наблюдением Элиаса расставляли блюда с угощением. Гордостью стола были четыре больших цыпленка. Вообще-то, в Великий пост дозволялось есть только рыбу, но поскольку река в эту лютую зиму сильно промерзла, цены на нее взлетели до небес, и король разрешил подданным есть белое мясо.

Мы расселись. Я оказался между Лодером и Джеймсом Рипроузом, старым барристером с жесткими бакенбардами, обрамлявшими сморщенное, как печеное яблоко, лицо.

Напротив нас сидели Дороти, Роджер и миссис Лодер — такая же пухлая и самодовольная, как ее муж. Она одарила меня улыбкой, продемонстрировав полный набор белоснежных зубов, после чего, к моему вящему изумлению, сунула пальцы в рот и вытащила оба ряда. Я заметил, что зубы крепились к двум деревянным протезам, выточенным с таким расчетом, чтобы надеваться на несколько гнилых пеньков — все, что осталось от ее настоящих зубов.

— Они выглядят просто изумительно, — сказала дама, перехватив мой взгляд. — Их изготовил для меня лекарь-брадобрей из Чипсайда. Разумеется, кушать с ними я не могу.

— Убери их, Джоанна, — произнес ее муж. — Никто не желает любоваться твоими зубами во время еды.

Джоанна надула губы, насколько это вообще было возможно без единого зуба во рту, а потом убрала вставную челюсть в маленькую коробочку, которую спрятала в многочисленных складках своего платья. Я с трудом удержался от того, чтобы не поежиться. Мода, заимствованная у французов и получившая распространение в высшем свете Англии — носить полон рот зубов, вырванных у мертвецов, — казалась мне отвратительной.

Роджер вновь заговорил о больнице, которую задумал создать, только теперь свои аргументы он адресовал старому Рипрозу.

— Подумайте о тех больных и беспомощных, которых мы могли бы забрать с улиц и, возможно, вылечить, — убеждал он.

— О, это было бы стоящим делом, — соглашался старик, — но как быть с другими нищими: здоровыми и вполне дееспособными, которые заволокли улицы и не дают прохожим шагу ступить, требуя подаяния, а подчас и угрожая? Что делать с ними? Я старый человек, и мне иногда бывает страшно выйти из дома одному.

— Очень верное замечание, — согласно затараторил брат Лодер, перегнувшись через меня, чтобы его могли слышать другие участники разговора. — Те двое, которые в прошлом ноябре ограбили и убили несчастного брата Гудкоула возле ворот, были монастырскими слугами, лишившимися хозяев. И их нипочем не изловили бы, не начни они бахвалиться в таверне, где пропивали денежки бедного Гудкоула, и не окажись ее хозяин честным человеком. Он-то и вызвал констебля.

— Ага, ага, — часто закивал Рипроуз. — Нет ничего удивительного в том, что оставшиеся бесхозными слуги безнаказанно воруют и убивают, а город может предложить нам в качестве защитников всего несколько констеблей, в большинстве своем таких же стариков, как я.

— Городской совет должен назначить сильных мужчин, которые сумеют выжечь эту заразу каленым железом! — припечатал Лодер.

— Ну к чему такие жестокости, Амброуз? — тихо укорила его жена. — Помнится, в молодости ты доказывал, что безработные бедняки имеют право на получение работы, что город должен платить им за полезный труд, к примеру за мощение улиц. Ты всегда цитировал Эразма Роттердамского и Хуана Вивеса, писавших об обязанностях христианской общины по отношению к обездоленным.

Закончив эту тираду, женщина одарила мужа приторной улыбкой. Возможно, это была ее месть за колкое замечание относительно вставной челюсти.

— Точно-точно, Амброуз, я тоже хорошо это помню, — с готовностью ухватился за неожиданную поддержку обрадованный Роджер.

— И я, — подхватила Дороти. — Ты очень сурово отзывался насчет обязанностей короля в отношении бедных.

— Ну, поскольку с той стороны данной проблемой, похоже, никто не интересуется, я не представляю, что мы можем тут сделать. Поселить десять тысяч вшивых попрошаек в лучших гостиницах и кормить их за столом для почетных гостей?

— Нет, — мягко ответил Роджер, — просто использовать наш статус состоятельных людей, чтобы помогать хотя бы немногим несчастным до тех пор, пока не настанут лучшие времена.

— Однако по улицам стало тошно ходить не из-за одних только попрошаек, — мрачно проговорил старый Рипроуз. — Теперь на каждом углу появились эти пустозвоны-начетчики с Библиями в руках. Один вон каждый день с утра до вечера торчит в конце Ньюгейт-стрит и что-то гавкает про грядущий Апокалипсис.

За столом послышался одобрительный гул голосов.

За годы, прошедшие после падения Томаса Кромвеля, поддержка королем реформаторов, которые воодушевили его на разрыв с Римом, исчерпала себя. Он никогда в полной мере не разделял лютеранские воззрения, а сейчас в значительной степени дрейфовал в обратную сторону, к старой форме религии — чему-то вроде католицизма без Папы. Причем этот процесс сопровождался все более жестоким подавлением любого инакомыслия. Сомневаться в том, что хлеб и вино во время таинства причастия действительно превращаются в тело и кровь Христовы, бы-

ло равнозначно ереси, за которую полагалась смертная казнь. Даже концепция чистилища вновь обрела прежнюю респектабельность. Все это вместе являлось анафемой в адрес тех радикалов, для которых единственным источником истины являлась Библия. Преследования лишь заставили многих реформаторов влиться в ряды радикалов, и в Лондоне они были особенно осмелевшими и крикливыми.

— Знаете ли, что я видел сегодня на улице? — спросил кто-то из гостей. — Возле одной церкви люди раскладывали на снегу ветки, готовясь к завтрашнему празднованию Пальмового воскресенья. Неожиданно налетела целая свора юнцов-подмастерьев и раскидала ветки ногами, крича, что это папистский праздник, а Папа — антихрист.

— Этот религиозный радикализм является для черни дополнительным поводом устраивать вакханалии, — угрюмо заметил Лодер.

— Да, завтра могут возникнуть проблемы, — сказал Роджер.

Я кивнул. В Пальмовое воскресенье в традиционных церквях состоятся литургии, по улицам пройдет процессия, во главе которой будет шагать ослица, везущая младенца. А проповедники-радикалы в своих церквях станут поносить привычные церемонии, объявляя их папистским богохульством.

— Будет еще одна чистка, — с ноткой обреченности в голосе проговорил кто-то. — До меня дошли слухи, что епископ Боннер намерен с новой силой обрушиться на людей Священного Писания.

— Только бы не было больше никаких аутодафе, — негромко проговорила Дороти.

— Город не поддержит этого, — заявил Лодер. — Люди не любят радикалистов, но сожжения им нравятся и того меньше. Боннер не посмеет зайти так далеко.

— Вы полагаете? — осведомился Роджер. — Разве он не такой же фанатик, только находящийся по другую сторону баррикад? Весь город оказался разделен на две части.

— Большинство людей хотят всего лишь спокойной жизни, — проговорил я. — Даже те из нас, кто прежде называл себя радикалистами.

Я хитро улыбнулся, посмотрев на Роджера, и он кивнул, поняв намек.

— Фанатики со всех сторон, — сокрушенно проворчал Рипроуз. — А мы, обычные бедные люди, посередке. Иногда я со страхом думаю, что они принесут всем нам смерть.

Компания разошлась далеко за полночь, и одним из последних ушел я. Выйдя из дома, я почувствовал, что, пока мы сидели за столом, на улице опять подморозило и подтаявший снег превратился в наст, хрустевший под подошвами башмаков.

После разговора, состоявшегося за столом, настроение мое было уже не столь радужным. Все верно, Лондон превратился в несчастный город — город нищих и фанатиков. Если состоится чистка, ситуация станет еще хуже. Кое о чем я умолчал за ужином. Родители мальчика, отправленного в Бедлам, являлись членами радикальной протестантской конгрегации, и проблемы с психическим здоровьем их сына имели религиозное наполнение. Я не хотел бы иметь ничего общего с этим делом, но должность обязывала рассматривать жалобы граждан, а родители мальчика мечтали, чтобы их сына отпустили.

За спиной послышался хруст наста под чьими-то ногами. Я вздрогнул и обернулся. Обнесенная стеной территория Линкольнс-Инн обычно была довольно безопасным местом, но теоретически злоумышленники могли пробраться и сюда. Ночь была темной, луну наполовину скрыли облака, и в этот поздний час лишь несколько окон отбрасывали на снег квадраты света.

— Кто здесь? — окликнул я темноту.

Никто не ответил, но зато до моего слуха донесся быстрый звук удаляющихся шагов. Наморщив лоб, я двинулся в том же направлении. Звук доносился от дальнего конца постройки, в которой жили Эллиарды. Она имела общую стену со зданием Линкольнс-Инн. Заворачивая за угол, я положил ладонь на рукоятку кинжала.

Впереди находилась внешняя стена. Тот, кто оказался между мной и нею, загнал себя в ловушку. Но... там никого не было. Маленький пяточок между постройками и двенадцатифутовой стеной был совершенно пуст. По моему позвоночнику пробежал холодок.

СЕДЬМАЯ ЧАША

А потом я увидел, что снежная опушка на верхней кромке стены нарушена. В этом месте через стену только что кто-то перелез. Я стоял и молча созерцал эту картину. Чтобы перемахнуть через четырехметровую стену, необходимо обладать нечеловеческой силой и ловкостью. В иной ситуации я сказал бы, что это невозможно, но пустой двор и потревоженный снег на стене говорили красноречивее любых слов.

Размышляя о том, что все это может значить, я двинулся обратно. Нужно будет завтра же сказать сторожу, чтобы он насыпал на верхнюю кромку стены битого стекла.